Редьярд Киплинг

Самая удивительная повесть в мире (сборник)

Редьярд Киплинг

Самая удивительная повесть в мире (сборник)

«Public Domain»

1893

Киплинг Р. Д.

Самая удивительная повесть в мире (сборник) / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1893

«…Мало есть вещей на свете более приятных, чем искренность, горячность и неумеренное открытое восхищение юноши. Даже женщина в порыве слепого обожания не пойдёт по следам любимого человека, не снимет своей шляпки с того гвоздя, на который он вешает свою шляпу, и не будет пересыпать свою речь его излюбленными словами…»

© Киплинг Р. Д., 1893
© Public Domain, 1893

Содержание

Самая удивительная повесть в мире 6
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Редьярд Киплинг
Самая удивительная повесть в мире (сборник)

* * *

Самая удивительная повесть в мире

Его звали Чарли Мирс; он был единственный сын у матери-вдовы, жил в северной части Лондона и ходил ежедневно в Сити, где он служил в банке. Ему было двадцать лет, и он был полон надежд на будущее. Я встретился с ним в бильярдной, где маркёр называл его просто по имени, а он называл маркёра Бельсей. Чарли объяснил мне с некоторой нервностью, что он пришёл сюда только посмотреть на игроков, а так как мне казалось, что смотреть на игру, где требуется ловкость, не так уж занимательно для молодого человека, то я посоветовал Чарли вернуться домой к матери.

Это было первой ступенькой к дальнейшему нашему знакомству. Он стал заходить ко мне иногда по вечерам вместо того, чтобы бегать по Лондону вместе со своими товарищами-клерками; и вскоре, рассказывая мне о себе, как обыкновенно делают молодые люди, он поделился своими мечтами и надеждами, которые вращались исключительно в области литературы. Он желал заслужить себе бессмертную славу, главным образом стихами, хотя он был не прочь посылать свои рассказы о любви и смерти в дешёвые журнальчики. Моя роль заключалась в том, чтобы спокойно сидеть и слушать, пока Чарли читал мне свои поэмы в сотни строк и громадные отрывки из драматических произведений, которые должны были перевернуть весь мир. А моей наградой за это было его неограниченное доверие и рассказы о его переживаниях и тревогах, которые так же священны для юноши, как и для девушки. Чарли никогда ещё не попадал в сети любви, но очень боялся, что сделает это при первом удобном случае. Он верил во все прекрасное и во все честное, но самым забавным образом старался уверить меня, что он очень хорошо знал свет, как подобает его знать клерку, служащему в банке и получающему двадцать пять шиллингов в неделю. Он свято верил в то, что рифмы, которые он подбирал, были самыми удачными, какие когда-либо приходили в голову поэту. Длинные пропуски в драмах он заполнял торопливыми объяснениями и описаниями и стремился дальше, так хорошо представляя себе все, что он намеревался сказать, что оно уже казалось ему сказанным и всеми понятым. А затем он обращался ко мне и ждал одобрения.

Мне представляется, что его мать не особенно поощряла его стремления, и я знаю, что дома край умывальника заменял ему стол. Он говорил мне об этом в самом начале нашего знакомства, когда он опустошал мои книжные полки, и незадолго до того, как он умолял меня сказать ему всю правду относительно его шансов «написать что-нибудь действительно великое, вы понимаете?» Должно быть, я сильно обнадёжил его, потому что однажды ночью он явился ко мне с горящими от возбуждения глазами и сказал задыхающимся голосом:

– Как вы думаете, нельзя ли мне остаться здесь и пописать весь вечер? Я не буду мешать вам, я, право, не буду мешать! Мне негде писать у моей матери.

– Но в чем же дело? – спросил я, хорошо понимая, в чем было дело.

– Видите ли, у меня есть в голове тема, из которой можно сделать великолепнейший рассказ, который когда-либо был написан. Позвольте мне написать его здесь. Это такая тема!..

Невозможно было отказать ему в этой просьбе. Я поставил ему стол; он поблагодарил меня и тотчас же уселся писать. С полчаса перо его без отдыха царапало бумагу. Затем он вздохнул и начал теребить волосы. Перо двигалось все медленнее, все чаще приходилось зачёркивать написанное, и, наконец, он совсем перестал писать. Самая занимательная история на свете не желала появляться.

– Теперь это кажется таким вздором, – жалобно сказал он, – раньше, когда я об этом думал, мне казалось, что это очень хорошо получится. В чем тут дело?

Мне не хотелось огорчать его, сказав ему правду. Поэтому я ответил:

– Вы, вероятно, были не в настроении перед тем, как начали писать?

– Нет, ничего… Но вот теперь я не могу смотреть на эту ерунду! Ух!

– Прочитайте мне, что вы написали, – сказал я.

Он прочитал. Рассказ был из рук вон плох, а он ещё подчёркивал особенно напыщенные сентенции, ожидая хотя бы лёгкого одобрения, потому что он гордился этими сентенциями, и я хорошо знал это.

– Тут нужно бы кое-что сократить, – осторожно заметил я.

– Я ненавижу обрезать свои вещи. Я думаю, что отсюда нельзя отнять ни одного слова без того, чтобы не исказить смысла. Когда читаешь вслух, выходит гораздо лучше, чем тогда, когда я писал.

– Чарли, вы страдаете опасным недугом, которому подвержены очень многие люди. Отложите пока свою вещь и возьмитесь за неё снова не ранее чем через неделю.

– Но я хочу окончить её сейчас. Что вы о ней думаете?

– Как могу я судить о вещи, которая готова только наполовину? Расскажите мне всю эту историю так, как она сложилась у вас в голове.

Чарли рассказал, и в его рассказе обнаружилось нечто, чего он никак не мог выразить в литературной форме. Я взглянул на него, удивляясь, как он мог не понимать оригинальности и силы той идеи, которая пришла ему в голову. Решительно, это была идея среди идей. Многие люди возомнили о себе Бог знает что, натолкнувшись на идеи, которые не имели десятой доли ценности превосходной идеи Чарли.

А Чарли продолжал невозмутимо болтать, загромождая поток чистой фантазии образчиками ужаснейших сентенций, которые он намеренно вставлял. Я дослушал его до конца. Было бы безумием оставить его идею в таких неопытных руках, тогда как я мог так много сделать из неё!

– Ну, как вы думаете? – сказал он наконец. – Я думаю, что назову его «Историей одного корабля».

– Мне кажется, что идея недурна, но вы не будете в состоянии обработать её до конца. Между тем, как я…

– Неужели она может пригодиться вам? Вы хотите взять её? Я гордился бы этим, – торопливо сказал Чарли.

Мало есть вещей на свете более приятных, чем искренность, горячность и неумеренное открытое восхищение юноши. Даже женщина в порыве слепого обожания не пойдёт по следам любимого человека, не снимет своей шляпки с того гвоздя, на который он вешает свою шляпу, и не будет пересыпать свою речь его излюбленными словами.

А Чарли проделал все это. Было необходимо спасти свою совесть прежде, чем я стану обладателем мыслей Чарли.

– Давайте заключим договор. Я дам вам пять фунтов за вашу идею, – сказал я.

Чарли сразу превратился в банковского клерка.

– О, это невозможно. Между двумя коллегами, вы понимаете, если я смею так назвать вас, и как человек порядочный, я не могу. Возьмите эту идею, если она вам годится. У меня их целая куча.

У него действительно было много идей – никто не знал этого лучше меня, но это были идеи других людей.

– Взгляните на это с деловой точки зрения, как это делается между порядочными людьми, – возразил я. – На пять фунтов вы сможете купить достаточное количество поэтических произведений. – Дело делом, и вы можете быть уверены, что я не дал бы вам этой суммы, если бы…

– О, если вы ставите это на такую почву!.. – сказал Чарли, видимо увлечённый мыслью о книгах. Договор был заключён с тем условием, что он будет заходить ко мне во всякое время, когда у него появятся новые идеи, будет пользоваться у меня отдельным столом, чтобы

иметь возможность писать, и неограниченным правом изливать на меня все свои поэмы и все отрывки из драматических произведений. После этого я сказал:

– Ну а теперь расскажите мне, как вы пришли к этой мысли?

– Да она сама пришла ко мне.

Глаза Чарли открылись широко.

– Да, но вы мне рассказали очень много о герое, вы, вероятно, читали это где-нибудь раньше?

– У меня нет другого времени для чтенья, как только у вас, когда вы позволяете мне сидеть здесь, а по воскресеньям я езжу на велосипеде или уезжаю на весь день на реку. Разве я там что-нибудь перепутал о герое?

– Расскажите мне ещё раз, и тогда я лучше пойму вас. Вы говорите, что ваш герой попал к пиратам. Как же он жил?

– Он был на нижней палубе того судна, о котором я вам рассказывал.

– Что это было за судно?

– Это было нечто вроде корабля на вёслах; море заливает водой отверстия для весел и человек сидит по колено в воде. Потом там ещё есть продольная скамья, идущая посредине между двумя рядами гребцов, и надсмотрщик с плетью ходит взад и вперёд, чтобы заставлять людей работать.

– Откуда вы это знаете?

– Так в моем рассказе. Там ещё верёвка, прикреплённая к верхнему деку, чтобы надсмотрщик мог ухватиться за неё, когда корабль накреняется. Когда однажды надсмотрщик промахнулся и, не успев ухватиться, упал на палубу между гребцами, вы помните, мой герой засмеялся и получил за это удары плетью. И разумеется, он, то есть мой герой, прикован цепью к своему веслу.

– Как же он прикован?

– Железной цепью, охватывающей его талию и прикреплённой к той скамье, на которой он сидит, а кроме того, на его левой руке тоже надето железное кольцо, соединённое цепью с веслом. Он находится на нижней палубе, куда посылают самых худших людей, и свет проникает туда только через отверстия для весел и слабо колеблется, освещая трюм, когда корабль движется. Можете ли вы себе представить солнечное сияние, проскальзывающее в отверстия люков?

– Могу, но не могу представить, как вы это представляете себе.

– Но как же может быть иначе? А теперь послушайте дальше. За длинными вёслами на верхней палубе сидят по четыре человека на каждой скамье, на нижней – по три, на самой нижней – по два. Вы помните, что на нижней палубе – полная темнота, и от этого все люди понемногу сходят с ума. Когда человек умирает за своим веслом на этой палубе, его не выбрасывают за борт, а разрезают на части так, как он есть, в цепях, а затем проталкивают по кускам через отверстия для весел.

– Это зачем же? – спросил я, удивлённый не столько этой подробностью, сколько решительным тоном, которым она была передана.

– А для того, чтобы избавить себя от хлопот и внушить страх людям. Нужно бы было иметь двух надсмотрщиков, чтобы стащить труп человека на верхнюю палубу, но если людей, сидевших за вёслами на нижней палубе, оставить одних, они бы перестали грести и поломали бы скамьи, поднявшись все сразу в своих цепях.

– Ваша фантазия удивительно предусмотрительна. Где вы читали о галльских галерах и галльских невольниках?

– Насколько я помню, нигде. Я люблю грести, когда есть возможность. Но, если вы так говорите, может быть, я где-нибудь и читал что-либо подобное.

Скоро после этого он ушёл от меня к книгопродавцам, а я был поражён тем, как мог двадцатилетний банковский клерк передать мне с таким расточительным изобилием подробностей историю потрясающего кровавого эпизода, в котором был и мятеж рабов, и тираны, и смерть в неизвестных морях.

Он заставил своего героя пройти через мятеж невольников против надзирателей, командовать собственным кораблём и затем основать королевство на каком-то острове где-то там на море, и, восхищённый моими жалкими пятью фунтами, он отправился покупать мысли других людей, которые могли бы научить его, как писать. А у меня осталось утешение, что его идея принадлежит мне по праву приобретения, и я думал, что смогу её использовать.

Когда он зашёл ко мне в следующий раз, он был буквально опьянён – опьянён чтением поэтов, которые впервые открылись ему. Зрачки его были расширены, речь лилась бурным потоком, и он весь облёкся в цитаты, как нищий облёкся бы в пурпур императоров. Но сильнее всех он был упоён Лонгфелло.

– Разве это не великолепно? Разве не восхитительно? – вскричал он мне после короткого приветствия. – Послушайте же:

– Ты хочешь, – ответил кормчий, —
Тайны постигнуть моря?
Лишь тот, кто презирает его опасность,
Постигнет его тайны.

Он, по крайней мере, раз двадцать повторил эти строки, расхаживая по комнате и забыв обо мне.

– Но я также могу это понять, – сказал он сам себе. – Я не знаю, как благодарить вас за эти пять фунтов. А это, послушайте-ка:

Я помню чёрные гавани, узкие проходы
И свободно плещущие волны прилива;
Я помню испанских матросов с бородатыми лицами,
И красоту, и тайну кораблей,
И волшебные чары моря.

Я хотя и не презирал никакой опасности, но чувствовал себя так, как будто испытал все это сам.

– Вы положительно больны морем. Видели ли вы его когда-нибудь в жизни?

– Когда я был маленьким мальчиком, я был однажды в Брайтоне; мы жили обыкновенно в Ковентри до переезда в Лондон. Я раньше никогда не видел его.

Он процитировал мне ещё несколько строк из Лонгфелло и затем хлопнул меня по плечу, чтобы заставить понять воодушевление, которое испытывал сам.

– Когда приближается шторм, – сказал он, – мне представляется, что все весла на корабле, о котором я вам рассказывал, ломаются, и у гребцов вся грудь бывает разбита из-за трения о верхнюю часть весла. А кстати, пригодилась ли вам моя тема и что вы с нею сделали?

– Нет, мне хотелось ещё послушать вас. Скажите мне, ради Бога, откуда вы знаете о всех этих приспособлениях на корабле? Ведь вы не имеете понятия о кораблях?

– Да, я ничего об этом не знаю. Для меня это совершенно ясно до тех пор, пока я не начинаю писать о них. Я думал об этом сегодня ночью, лёжа в постели, после того, как вы дали мне «Остров сокровищ»; и тут я вставил целую кучу новых вещей для этой истории.

– Какого рода вещей?

– Вот, например, относительно пищи, которую ели эти люди: гнилые фиги, чёрные бобы и вино в кожаном мешке, который передавали от одной скамьи к другой.

– Разве корабль был построен в такие давние времена?

– В какие времена? Я сам не знаю, было ли это давно или нет. Ведь это только выдумка, но иногда она мне кажется такой реальной, как будто это было на самом деле. Не надоел ли я вам своими рассказами?

– Ничуть. А может быть, вы ещё что-нибудь придумали?

– Да так, пустяки… – Чарли слегка покраснел.

– Ну расскажите, что же именно?

– Видите ли, я думал об этом рассказе, и после этого я встал с постели и написал на кусочке бумаги разные каракули, какие, по-моему, могли нацарапать эти люди на своих вёслах острыми частями кандалов. Мне кажется, что это делает рассказ более правдоподобным. Для меня он совершенно реален.

– А эта бумага с вами?

– Да… Но к чему показывать её? Это просто несколько каракулей. Но тем не менее мы могли бы изобразить их на заглавном листе нашей книги.

– Я уж позабочусь обо всех этих мелочах. Покажите мне, как писали эти люди.

Он вытащил из своего кармана большой лист бумаги, который был весь покрыт какими-то таинственными знаками. Я заботливо спрятал его.

– Но что же это должно означать по-английски? – сказал я.

– О, этого я не знаю. Я думаю, что это должно означать: «Я зверски устал». Это страшно глупо, – прибавил он, – но все эти люди на корабле кажутся мне такими реальными, как настоящие люди. Поскорее напишите что-нибудь на эту тему; мне бы очень хотелось, чтобы эта история была написана и напечатана.

– Но из того, что вы мне рассказали, выйдет очень большая книга.

– Ну что же. Вам стоит только сесть и написать.

– Подождите немножко. Нет ли у вас ещё тем?

– Нет, теперь больше нет. Я теперь читаю все книги, которые я купил. Они все великолепны.

Когда он вышел от меня, я взглянул на бумагу со значками на ней. Затем я бережно сжал голову обеими руками, чтобы ничто не выскользнуло из неё и чтобы она не закружилась.

Потом… Но мне кажется, что не было никакого промежутка между тем, как я покинул свою комнату и очутился у дверей кабинета для занятий в коридоре Британского музея. Я спросил у стоявшего там полицейского, насколько мог вежливее, где «специалист по греческим древностям». Полицейский не знал ничего, кроме общих правил для посетителей музея, пришлось бродить по всем отделениям, начиная от входных дверей. Какой-то милейший джентльмен, которого ради меня заставили прервать завтрак, положил конец моим исканиям. Держа бумажку двумя пальцами, большим и указательным, и фыркнув при этом, он сказал:

– Что же это такое? Насколько я понимаю, это какое-то покушение написать нечто на испорченном до чрезвычайности языке, со стороны, – он не без явного подозрения взглянул на меня, – со стороны кого-то… очевидно не обладающего ни малейшим литературным навыком.

И он тихонько произносил хорошо мне знакомые имена: Поллок, Эркманн, Таухниц, Генникер…

– Можете вы мне все-таки сказать, что же эта испорченная греческая грамота означает, в чем тут суть-то? – спросил я.

– «Я был много раз донельзя утомлён за этим делом», – вот какой смысл.

Он отдал мне бумагу, и я ушёл, не сказав ни единого слова благодарности, не дав никаких объяснений. И вот мне выпала удача, мне – одному из всех людей, написать удивительнейший в мире рассказ – ни более ни менее как повесть грека, бывшего рабом на галере, повесть,

переданную им самим. Нет ничего мудрёного в том, что грёза Чарли показалась ему действительностью. Судьба, обычно заботливо закрывающая двери позади нас за всеми минувшими эпохами жизни, на этот раз как бы зазевалась, и Чарли удалось, хотя он этого и сам не ведал, заглянуть туда, куда не дозволено смотреть человеку, хотя бы он был вооружён самым совершённым знанием. Сверх того, он ровно ничего не понимал в том, что он продал мне за пять фунтов, и ему было суждено остаться в этом неведении, ибо банковские писцы не знают, что такое переселение душ, и обычное коммерческое образование не включает в себя обучение греческому языку. Он снабдил меня материалом до такой степени достоверным, что именно из-за этой достоверности ему никто не поверит, и все возопят, что мой рассказ бесстыдная выдумка и подделка.

– И я, я один буду знать, что это совершённая и абсолютная правда. Я, я один держал в своих руках этот драгоценный камень, чтобы придать ему форму и отшлифовать! И мне захотелось плясать среди египетских божеств музея, но как раз в это время меня заметил полицейский и направил свои шаги в мою сторону.

Теперь мне оставалось только уговорить Чарли рассказывать, а это было не так уж трудно. Но я забыл про эти проклятые книги поэтов. Он приходил ко мне время от времени, настолько же бесполезный для меня, как перегруженный фонограф, – упоённый Байроном, Шелли и Китсом. Зная теперь, чем был юноша в своей прошлой жизни, и страшно боясь упустить хоть одно слово из его болтовни, я не умел скрыть своего уважения и интереса к нему. Но он истолковывал все это как дань уважения теперешней душе Чарли Мирса, для которого жизнь была так же нова, как для Адама, а весь её интерес заключался в чтении поэтических произведений; он истощал моё терпение декламацией поэтических отрывков, но не своих, а чужих. И я от души желал, чтобы все английские поэмы были вычеркнуты из памяти всего человеческого рода. Я проклинал все эти славнейшие имена, потому что они столкнули Чарли с пути непосредственного повествования и должны были со временем навести его на подражание им; но я сдерживал своё нетерпение до тех пор, пока первый поток энтузиазма успокоится сам по себе, и юноша снова вернётся к своим грёзам.

– К чему рассказывать вам, что я думаю, когда эти молодцы пишут такие вещи, что только ангелам впору их читать, – проворчал он однажды вечером. – Почему вы не напишите чего-нибудь в этом роде?

– Я надеюсь, что вы мне в этом поможете, – сказал я, делая усилие над собой.

– Я же дал вам историю, – сказал он коротко, погружаясь снова в свою «Лору».

– Но мне нужны подробности.

– Это то, что я выдумываю об этом проклятом корабле, который вы называете галерой? Да ведь это очень просто. Вы и сами можете выдумать что-нибудь в этом роде. Пустите-ка ещё немножко газ, я буду опять читать.

Я охотно сломал бы колпак от газа над его головой за его поразительную глупость. Конечно, я мог бы сам выдумывать такие вещи, если бы я знал то, о чем Чарли даже не подозревает, что он знает. Но так как двери-воспоминания о прошлой жизни были закрыты за мною, я мог только ждать, пока его молодость возьмёт своё, и стараться поддерживать в нем хорошее настроение. Минутная неосторожность могла разрушить драгоценное откровение; когда-нибудь он выбросит свои книги – он их все держал у меня, потому что его мать была бы возмущена такой безрассудной тратой денег, если бы только видела эти книги, – и снова погрузится в свои грёзы. А пока я проклинаю всех поэтов Англии. Податливый ум банковского клерка был перегружен и раскрашен ими, но в то же время то, что он читал, отняло у него прежнюю неиспорченную форму мышления, а в результате получался смешанный гул чужих голосов, похожий на шум и жужжанье в телефоне в Сити в самую деловую пору дня.

Он говорил о галере – своей собственной галере, которую он так хорошо знал, и сопровождал свой рассказ иллюстрациями, заимствованными из «Абидосской невесты». Он обри-

совывал переживания своего героя цитатами из «Корсара» и вдавался в глубокомысленные, доводившие до отчаяния моральные размышления на тему из «Каина» и «Манфреда», рассчитывая, что я все это сумею использовать. И только тогда, когда речь касалась Лонгфелло, в нем сталкивались какие-то противоречивые влияния, и я знал, что Чарли говорил правду, говорил о том, что осталось в его памяти.

– А что вы думаете вот об этом? – сказал я ему однажды вечером, как только я понял, в какой среде его память легче работает, и прежде чем он успел надумать, я прочитал ему почти целиком «Сагу о короле Олафе».

Он слушал с открытым ртом, с краской на лице, барабаня пальцами по спинке дивана, на котором он лежал, но когда я дошёл до песни об Эйнаре Тамбершельвере, он испустил вздох глубокого удовлетворения.

– Это получше Байрона, не правда ли? – спросил я.

– Лучше! Потому что это правда! Но как он мог это знать?

Я прочёл ему ещё раз:

– Что это было? – Олаф спросил, стоя
На шканцах корабля. —
Мне послышалось что-то, как будто треск
Разбивающегося судна.

– Как мог он знать, как трещит судно, и весла делают з… з… зз… и ложатся вдоль борта? Но почему же в ту ночь… Пожалуйста, прочтите ещё раз «Остров криков».

– Нет, я устал. Поговорим немного. Ну, что же случилось в эту ночь?

– Мне пригрезилась очень страшная вещь по поводу вашей галеры. Мне снилось, что я утонул во время сраженья. Видите ли, мы вошли в гавань рядом с другим кораблём. Вода была совершенно неподвижная, и только мы нарушили её покой своими вёслами. Вы знаете, где я сидел обычно на галере? – Он говорил нерешительно, под влиянием присущей англичанам боязни показаться смешным.

– Нет, для меня это ново, – мягко сказал я, чувствуя, как моё сердце начинает учащённо биться.

– За четвёртым веслом в носовой части, в правой стороне, на верхней палубе. За этим веслом нас было четверо, все – в цепях. Я помню, что я смотрел на воду и старался освободиться от моих кандалов, пока мы ещё не начали грести. Тут мы подошли вплотную к другому судну, и все их люди перескочили через наш борт и бросились на нас, так что моя доска сломалась, и меня столкнули вниз вместе с тремя другими, и всех нас прикрыло огромное весло.

Глаза Чарли блестели.

– Ну?..

– Я не понимаю, как мы сражались. Все они навалились на меня, а я лежал в самом низу. Но тут наши гребцы с левой стороны, прикованные к своим вёслам, начали громко вопить и заработали вёслами назад. Я слышал, как зашипела вода, и мы завертелись вокруг, как майский жук, и я, лёжа там, где я был, догадался, что это была галера, которая шла на нас носом вперёд и таранила нас с левого борта. Мне как раз удалось высвободить голову, и я увидел парус над нашим бортом. Мы хотели встретиться с нею носом к носу. Мы могли только слегка свернуть вбок, потому что галера с нашей правой стороны сама стукнулась о нас и помешала нашему движению. Ах, что это был за треск! Наши левые весла начали ломаться в то время, когда другая галера, двигавшаяся на нас, упёрлась в нас носом. Затем и нижние весла на нижней палубе, ударившись сначала о другую галеру, сломались, и обломки их упали на обшивку палубы, а одно из них поднялось вверх и упало как раз около моей головы.

– Как же это произошло?

– Галера втолкнула весла своим носом обратно в отверстия, и мне казалось, что не будет конца шуму и треску на нижних палубах. А потом её нос пришёлся как раз посередине нашего судна, мы накренились набок, а люди с галеры, подошедшей к нам с правого бока, сорвали свои крюки и верёвки и стали бросать на нашу верхнюю палубу стрелы и кипящую смолу или что-то в этом роде, что обжигало, а наш левый борт поднимался все выше, выше и выше, а правый в это время опускался. Я высунул голову, оглянулся и увидел, что вода стояла уже на одном уровне с правым бортом и была совершенно неподвижна, но потом все забурлило и залило нас, лежавших вповалку с правой стороны. Я почувствовал, как меня что-то ударило в голову, и я проснулся.

– Одну минуточку, Чарли! Когда море сравнялось с бортом галеры, какой это имело вид?

Я имел свои причины предложить ему этот вопрос. Один из моих знакомых чуть не погиб вместе с кораблём, в котором оказалась течь. Это было в тихую погоду. И он видел полоску воды на уровне борта судна – задержавшуюся на одну секунду, прежде чем залить палубу. Чарли ответил:

– Вода имела вид туго натянутой струны, и мне казалось, что она так и будет стоять многие годы.

Тот, другой, сказал мне: «Оно имело вид серебряной проволоки, проведённой вдоль борта, и мне казалось, что оно никогда не двинется дальше». Он дорого заплатил за этот ничтожный клочок познанья, едва не лишившись жизни, и я проделал десять тысяч миль утомительного пути, чтобы встретиться с ним и из вторых рук получить от него этот обрывок знания. Но Чарли, двадцатилетний банковский клерк, получавший 25 шиллингов в неделю и никогда ничего не видевший, кроме обыкновенной проезжей дороги, Чарли знал все это. Однако для меня было мало утешения в том, что однажды в одной из своих жизней он был вынужден умереть к выгоде для себя. Я мог умереть несколько раз, но двери воспоминаний были закрыты за мной, чтобы не дать мне использовать свои познанья.

– Ну, что же дальше? – сказал я, стараясь отогнать от себя дьявола зависти.

– Самое забавное в этом то, что я нисколько не был ни удивлён, ни испуган. Как будто я уже побывал во многих битвах, так, по крайней мере, я говорил своему соседу по веслу, когда началось плавание. Но этот негодяй-надсмотрщик на моей палубе не позволял нам ослабить цепи и облегчить нашу участь; он всегда говорил нам, что мы получим свободу после битвы, но мы никогда не получили её, никогда не были освобождены.

Чарли печально покачал головой.

– Что за разбойник!

– Да, это правда, я должен это сказать. Он никогда не давал нам вдоволь пищи, а иногда мы испытывали такую жажду, что пили солёную воду. Я до сих пор не забыл вкус этой солёной воды.

– А теперь опишите мне гавань, где произошла эта битва.

– Я не видел её в моем сне, но я хорошо знаю, что это была гавань. Мы были прикованы цепью к кольцу в белой стене, и вся лицевая сторона каменной кладки под водой была обшита деревом, чтобы предохранить наше судно от опасности быть разбитым вдребезги, когда прилив гнал его на камни пристани.

– Это любопытно. Вы говорили, что ваш герой управлял галерой, не правда ли?

– Да, именно так. Он стоял на носу и покрикивал на всех. Он-то и убил надсмотрщика.

– Но ведь вы же утонули все вместе, припомните, Чарли!

– Я не могу в этом хорошенько разобраться, – сказал он, глядя на меня растерянным взглядом. – Галера должна была погибнуть со всеми бывшими на ней гребцами, однако мне ясно представляется, что мой герой остался в живых. Может быть, ему удалось взобраться на корабль с нападающими. Но я этого, разумеется, не видел. Ведь вы знаете, что я умер.

Он слегка содрогнулся и заявил, что не может больше ничего вспомнить.

Я не принуждал его больше, но ради собственного удовлетворения и для того, чтобы убедиться в том, что он остаётся в полном неведении относительно работы собственного мозга, я умышленно познакомил его с «Переселением душ» Мортимера Коллинза и, прежде чем он открыл книгу, сделал небольшое введение, знакомя его с замыслом автора.

– Что за ерунда? – сказал он после часового чтения. – Я совершенно не понимаю этих глупостей относительно красной планеты Марс, и Короля, и всего прочего. Передайте мне, пожалуйста, Лонгфелло.

Я дал ему книгу и записал, насколько только мог запомнить, его описание морской битвы, призывая его иногда на помощь для подтверждения какого-нибудь факта или подробности. Он отвечал мне, не отрывая глаз от книги, так уверенно, как будто все, что он знал, он вычитал где-нибудь в книге.

Я говорил с ним, не повышая голоса, в обычном тоне, чтобы не прервать потока грёз, и я знаю, что он отвечал, не разбираясь в том, что говорит, потому что его мысль была далеко на море вместе с Лонгфелло.

– Чарли, – спросил я его, – когда гребцы на галере взбунтовались, каким образом они убили своих надсмотрщиков?

– Они вскочили на скамьи и размозжили им головы. Это случилось во время бури на море. Надсмотрщик на нижней палубе поскользнулся на средней скамейке и упал между гребцами. Они убили его, ударив о борт корабля своими скованными руками, и сделали это совершенно спокойно, а на палубе было слишком темно, чтобы другой надсмотрщик мог увидеть, что случилось. Когда же он спросил их, они сбросили его вниз и размозжили ему голову, и тогда гребцы на нижней палубе проложили себе дорогу с палубы на палубу на самый верх, таща за собой обломки скамеек, ударявшие их в спину. И как же они завывали от радости!

– Ну, что же было потом?

– Я не знаю. Герой куда-то уехал – красноволосый и краснобородый. Мне кажется, это было после того, как он захватил нашу галеру.

Звук моего голоса раздражал его, и он сделал лёгкое движение левой рукой, как человек, который просит, чтобы его не прерывали.

– Вы ни разу не говорили мне, что он был красноволосым и что он захватил вашу галеру, – сказал я после некоторого промежутка благоразумного молчания.

Чарли не отрывал глаз от книги.

– Он был красен, как красный медведь, – сказал он рассеянно. – Он пришёл с севера; так говорили на галере, когда он искал гребцов – не рабов, но свободных людей. А потом – много-много лет спустя – пошли слухи о другом корабле, как будто он вернулся…

Он снова погрузился в молчание. Он был в полном восхищении от поэмы, лежавшей перед ним.

– Где же он был тогда? – Я был почти уверен, что какая бы мысль ни соблаговолила появиться в мозгу Чарли, каждая из них будет мне на пользу.

– На отлогом берегу – на длинном и чудесном берегу, – последовал ответ после минутного молчания.

– На Фурдурстранди? – спросил я, вздрогнув.

– Да, на Фурдурстранди, – отвечал он, произнося это слово на особый манер. – И я тоже видел…

Голос его прервался.

– Знаете ли вы, что вы сказали? – неосторожно вскрикнул я.

Он поднял на меня глаза, уже совершенно пробуждённый от своих грёз.

– Нет! – резко отвечал он. – Я бы хотел, чтобы вы не мешали мне читать.

Но Отёр, старый морской капитан,

Он никогда не останавливался и не волновался,
Пока король слушал, а затем
Он снова брал в руки перо
И записывал каждое слово.

* * *

И королю Саксонии
В доказательство истины,
Подняв свою благородную голову,
Он протянул загорелую руку и сказал:
«Взгляните на зубы моржа».

Ах, что это были за молодцы! Вечно плавали и никогда не знали, где пристанут…

– Чарли! – взмолился я. – Если вы хоть на минутку или на две будете рассудительны, я сделаю героя в вашей истории точь-в-точь таким, как капитан Отёр.

– Ну вот ещё! Лонгфелло уж написал эту поэму. Мне совершенно неинтересно писать ещё что-нибудь. Я предпочитаю читать.

Он был совершенно не в ударе, и я расстался с ним, внутренне бесясь на свою неудачу.

Представьте себя у дверей сокровищницы мира, охраняемой ребёнком, ленивым, безответственным ребёнком, забавляющимся игрой в кости, но во власти которого находится ключ от дверей, и вы поймёте мои страдания. До этого вечера Чарли не говорил ничего, что не имело связи с переживаниями грека-невольника на греческой галере. Но теперь – потому ли, что он не нашёл ничего особенно интересного в книге – он заговорил об отчаянной попытке викингов, о плавании Торфина Карлсефне в Вайнеланд, как называлась Америка в девятом или десятом столетии. Он видел сражение в гавани и описал собственную смерть. Но это было ещё более удивительное углубление в прошлое. Возможно ли было, что он перескочил через полдюжины жизней и теперь вдруг вспомнил какой-то смутный эпизод, имевший место тысячу лет спустя. Это была какая-то головокружительная путаница; и хуже всего было то, что Чарли Мирс в своём нормальном состоянии был последним человеком, который мог разобраться в ней. Мне оставалось только ждать и наблюдать за ним, но, когда я ложился спать в этот вечер, мой ум был полон самых диких фантазий. Ничто не казалось мне невозможным, если бы только отвратительная память Чарли действовала хорошо. Я мог ещё раз написать сагу о Торфине Карлсефне, как будто бы она никогда не была написана раньше, мог рассказать историю первого открытия Америки так, как будто я сам её открыл. Но я был в полной власти Чарли, а он, обладая дешёвыми томиками изданий Бона, не хотел ни о чем говорить. Я не смел открыто бранить его, даже не решался умышленно подхлестнуть его фантазию, потому что ведь мне приходилось иметь дело с переживаниями, имевшими место тысячу лет назад, и в передаче юноши того времени; а на юношу того времени очень влияла всякая перемена в тоне или во мнении собеседника, так что он мог лгать даже тогда, когда больше всего хотел говорить правду.

Чарли не появлялся у меня целую неделю. Я встретился с ним случайно на Гресчерчской улице: чековая книга была прикреплена к его поясу. По делам банка он должен был идти на ту сторону Лондонского моста, и я пошёл вместе с ним. Он был очень горд важностью своей миссии и сейчас же похвастался мне. На мосту через Темзу мы остановились поглядеть на пароход, с которого выгружали большие плитки белого и коричневого мрамора. Баржа подошла к самой корме парохода, и с неё раздалось мычание одинокой коровы. Лицо Чарли мгновенно перестало быть лицом банковского клерка и превратилось в физиономию совершенно незна-

комого мне человека, обладавшего большой развязностью. Он просунул руку сквозь парапет моста и, громко смеясь, сказал:

– Когда скрелинги услышали рёв «наших» быков, они обратились в бегство!

Я подождал с минуту, пока баржа с коровой исчезла за кормой парохода, тогда я спросил его:

– Чарли, что вы подразумеваете под скрелингами?

– Я ничего раньше о них не слыхал. Это, по-видимому, что-то вроде морских рыболовов. Но что вы за странный человек, что задаёте мне такие вопросы? – отвечал он. – Мне нужно пройти вон туда, к кассиру компании омнибусов. Может быть, вы подождёте меня, и мы пойдём вместе позавтракаем где-нибудь? У меня есть тема для поэмы.

– Нет, благодарю вас. Я ухожу. Вы уверены, что вы так-таки ничего не знаете относительно скрелингов?

– Нет, ничего, кроме того, что они пришли перед ливерпульским гандикапом.

Он поклонился и исчез в толпе.

В саге об Эрике Рыжем или в песне о Торфине Карлсефне написано, что девятьсот лет тому назад галеры Карлсефне подошли к поселениям Лейфа, которые он основал в неизвестной стране, называвшейся Марклендом, что могло быть, а могло и не быть островом. Скрелинги – один Бог знает, что это были за люди!.. – пожелали вступить в торговые сношения с викингами, но обратились в бегство, напуганные рёвом рогатого скота, который Торфин привёз с собой на корабле. Но откуда же, скажите на милость, греческий невольник мог знать об этом событии? Я странствовал по улицам, стараясь разгадать эту загадку, но чем больше я вдумывался в неё, тем более она казалась мне неразрешимой. Одно только было достоверно, и эта мысль так захватила меня, что у меня на миг перестало биться сердце. Если бы я овладел ключом к ней, то это была бы уже не одна жизнь души в теле Чарли Мирса, но целые полдюжины совершенно различных и отдельных существований, проведённых на голубом море на заре человечества!

Я ещё раз оценил положение.

Было совершенно очевидно, что если бы я сумел найти достойное применение открывшегося мне познания, то я стал бы одиноким и недосягаемым для других, пока остальные люди не приобрели бы моей степени мудрости. Это уже было нечто прекрасное само по себе, но я, как все люди, был неблагодарен. Мне казалось страшно несправедливым, что память изменяла Чарли как раз тогда, когда я особенно нуждался в ней. Великие силы там, наверху, – и я взглянул вверх сквозь завесу тумана, – неужели же властелины жизни и смерти не знали, как это важно для меня, как велика слава, которая исходит от одного и достаётся в удел только одному? Я бы удовольствовался – вспомнив о клятве, я сам подивился собственной умеренности – одним только правом рассказать эту историю и принести хоть маленькую дань делу современного просвещения. Если бы Чарли было позволено на один только час – на шестьдесят коротких минут – сосредоточиться на тех существованиях, которые имели место за тысячу лет до нас, я пожертвовал бы всеми выгодами и всей честью, какую я мог бы вынести из этой беседы. Я бы не принял никакого участия в той буре, которая поднялась бы в том уголке земли, который сам себя называет «светом». Вся эта вещь была бы напечатана анонимно. Более того, я заставил бы других людей поверить в то, что это они написали её. Они бы наняли себе толстокожих, крикливых англичан, которые раструбили бы о них повсюду. Проповедники извлекли бы отсюда новые правила для жизни и уверяли бы клятвенно, что они избавили человечество от смерти. Каждый востоковед снабдил бы эту историю выводами из текстов на санскритском языке. Ужасные женщины придумали бы нечестивые варианты о человеческой вере в возвеличивание их сестёр. Церкви и религии объявили бы им войну. Я представил себе все схватки, которые произойдут среди полудюжины всяких обществ, исповедующих «доктрину истинного метемпсихоза в применении к миру и новую эру»; я увидел уважаемых английских журналистов, издающих робкие звуки, похожие на мычанье испуганной коровы, в защиту великолепной

простоты рассказа. Человеческая мысль сделала прыжок через сотню, две сотни, даже тысячу лет. И я увидел с грустью, что люди стали искажать и изменять мою историю, что соревновавшаяся с нею вера не оставила в ней камня на камне, пока, наконец, западный мир, который гораздо более подвержен страху смерти, чем надежде на жизнь, не отбросил её в сторону, как остатки интересного суеверия, и поставил на место неё другую, старую веру, так давно забытую, что она казалась новой. На основании этого я изменил условия договора, который я хотел заключить с властелинами жизни и смерти. Пусть будет мне только позволено узнать всю историю и написать её в полной уверенности, что я написал истину, и я торжественно сожгу рукопись, как жертвоприношение. Через пять минут после того, как будет написана последняя строка, я разрушу все. Но пусть мне будет дозволено иметь абсолютную уверенность в истине написанного.

Ответа не было. Яркие краски объявлений Аквариума привлекли мой взгляд, и я стал раздумывать над тем, будет ли благоразумно и осмотрительно отдать Чарли в руки профессионального гипнотизёра и даже в случае, если он подпадёт под его власть, захочет ли он говорить о своих прошлых жизнях?

Если бы он стал рассказывать, и люди поверили бы ему… но нет, Чарли был бы, наверное, напуган или смущён, а может быть, наоборот – возгордился бы этими беседами. В том и в другом случае он стал бы лгать из страха или из тщеславия. Он был более всего в безопасности в моих руках.

– Ваши англичане забавные глупцы! – произнёс чей-то голос у моего локтя, и, повернувшись, я узнал одного своего случайного знакомого, молодого уроженца Бенгалии по имени Гриш Чондер, изучавшего юридические науки. Отец его, туземный чиновник в отставке, послал его заканчивать образование в Англию. Старик ухитрялся при своей пятифунтовой месячной пенсии давать сыну двести фунтов в год. В своём городке он выдавал себя за младшего потомка какого-то королевского дома и облегчал душу рассказами об ужасных индийских бюрократах, которые притесняют бедных.

Гриш Чондер был молод, толстенький и кругленький, одетый с большой тщательностью, в высокой шляпе, светлых брюках и шоколадного цвета перчатках. Но я знал его ещё в то время, когда ужасное индийское правительство платило за его обучение в университете; он принимал участие в небольшом восстании в Сачи-Дурпане, ухаживал за жёнами своих четырнадцатилетних товарищей по школе.

– Все это очень забавно и очень глупо, – сказал он, указывая на объявления. – Я иду в клуб у Северного моста. Хотите пойти со мной?

Я пошёл вместе с ним. Некоторое время мы шли молча.

– Вам нездоровится, – сказал он. – Чем вы озабочены? Вы ничего не говорите.

– Гриш Чондер, вы получили слишком хорошее образование, чтобы верить в Бога, не правда ли?

– О да, здесь! Но когда я вернусь домой, я должен буду вернуться к народным верованиям и проделать церемонию очищения, а мои жены совершат омовение идолов.

– И повесят на них тульси, и устроят празднество пурохита, и снова примут вас в свою касту, и сделают из вас хорошего кхуттри, из вас – просвещённого свободного мыслителя. И вы будете употреблять в пищу деси и тому подобную гадость.

– Я ничего не имею против всего этого, – беспечно ответил Гриш Чондер. – Индус всегда останется индусом. Но мне бы хотелось знать, что англичане думают, что они знают?

– Я вам расскажу, что думает один англичанин. Для вас это старая история.

Я начал ему рассказывать историю Чарли по-английски, но Гриш Чондер предложил мне вопрос на туземном языке, и рассказ продолжался уже на этом языке, более подходившем для его передачи. Гриш Чондер слушал меня, поддакивая время от времени, и так мы пришли ко мне на квартиру, где я и закончил своё повествование.

– Тут не может быть сомнения… Но дверь закрыта. Я часто слышал о таких воспоминаниях из прошлой жизни у себя на родине. Это, конечно, старая история для нас, но так как это случилось с англичанином, питающимся мясом коровы, то это уже явление особого порядка. Клянусь Юпитером, это совершенно необычайно!

– Да вы сами явление особого порядка, Гриш Чондер! Вы каждый день употребляете в пищу бычье мясо. Но вдумайтесь хорошенько, юноша вспоминает свои перевоплощения…

– Но знает ли он об этом? – спокойно сказал Гриш Чондер, болтая ногами, так как он сидел на моем столе. Теперь он вновь говорил по-английски.

– Он ничего не знает. Разве я говорил бы вам об этом, если бы он знал? Ну, продолжайте!

– Да здесь нечего продолжать. Если вы расскажете об этом своим друзьям, они подумают, что вы сошли с ума, и напишут об этом в газетах. А теперь предположите, что вы тянете их к суду за диффамацию.

– Пожалуйста, не будем об этом говорить. Есть ли возможность заставить его говорить?

– Да, есть возможность. О, есть! Но если он заговорит, это будет означать, что весь этот мир кончится – instanto – упадёт к вам на голову. Вы знаете, что такие вещи даром не даются. Я вам уже говорил, дверь закрыта.

– И нет никакой, никакой надежды на успех?

– Но как же это может случиться? Ведь вы христианин, и в ваших книгах вам запрещено вкушать от древа жизни потому, что иначе вы никогда не умрёте. Как же вы все будете бояться смерти, если вы все будете знать то, что ваш друг не знает, что он знает? Я боюсь, что вы меня ударите, но я не боюсь умереть, потому что я знаю то, что я знаю. Вы не боитесь, что вас могут ударить, но вы боитесь смерти. Если бы вы этого не боялись – клянусь Богом – вы, англичане, вы бы в один час перевернули все вверх дном, установили бы равновесие власти и произвели бы волнения. И это было бы нехорошо. Но нет основания бояться этого. Чем дальше, тем воспоминания его будут все туманнее, и он будет называть их просто снами. А потом и это исчезнет. Когда я держал свой первый экзамен в Калькутте, это было как раз описано у Вордсуорта «В погоне за облаками славы», вы знаете?

– Но это, по-видимому, исключение из правил.

– В правилах нет исключений. Некоторые только на первый взгляд кажутся неприступными, но при ближайшем рассмотрении оказываются совершенно такими же. Если бы ваш друг рассказывал все, отмечая при этом, что он вспоминает все свои прошлые жизни, или хотя бы отрывок из прошлой жизни, он не работал бы в банке, как теперь. Его бы сочли сумасшедшим и отправили бы в убежище для умалишённых. Вы можете в этом убедиться, мой друг.

– Ну, конечно, могу, но я не думаю о нем. Его имя никогда не появится в истории.

– Ага, я понимаю. Та история никогда не будет написана. Но вы можете попытаться.

– Я это и делаю.

– Ради собственной выгоды и ради денег, конечно?

– Нет. Только ради того, чтобы записать эту историю. Клянусь вам честью, что это все…

– Даже и в этом случае не может быть удачи. Вы не можете играть с богами. Но сейчас это очень миленькая история. Пусть он продолжает это, я хочу сказать – в этом направлении, вы увидите, что долго это не может продлиться.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что я говорю. До сих пор он никогда не думал о женщине.

– Ну как же не думал! – Я вспомнил некоторые признания Чарли.

– Я хочу сказать, не было ещё женщины, которая бы думала о нем. А когда это придёт – готово дело, все полетит вверх дном. Я это знаю. Здесь миллионы женщин; например, горничные. Они вас целуют за дверью.

Я невольно содрогнулся при одной мысли, что моя история могла быть разрушена какой-нибудь горничной. И однако же ничто не могло быть более правдоподобным.

Гриш Чондер рассмеялся, оскалив зубы.

– Да, а также хорошенькие девушки – какие-нибудь кузины, а может быть, и не кузины. Один полученный и возвращённый поцелуй может положить конец всем этим глупостям, а то ещё…

– Что ещё? Помните, он не должен знать, что он знает.

– Я знаю. Но может также случиться, что он заинтересуется торговлей и окунётся в финансовые спекуляции. Так должно быть. Вы увидите, что это так и будет. Но мне кажется, что сначала явится женщина.

Кто-то постучал в дверь, и Чарли стремительно ворвался к нам; он окончил свои служебные обязанности, и я видел по его глазам, что он пришёл для длительной беседы; возможно, что в его кармане лежала уже готовая поэма. Поэмы Чарли были очень скучны, но иногда они наводили его на мысли о галере.

Гриш Чондер с минуту разглядывал его.

– Извиняюсь, – смутившись, сказал Чарли. – Я не знал, что у вас кто-то есть.

– Я ухожу, – сказал Гриш Чондер.

Он остановил меня в передней, когда уходил.

– Так это тот человек, о котором вы говорили? – снова заговорил он. – Я уверен, что он никогда не расскажет вам всего того, что вам нужно. Это все пустое. Но его можно бы было заставить видеть разные вещи. Мы ведь можем это устроить под видом игры.

Я никогда ещё не видел Гриша Чондера в таком возбуждённом состоянии.

– А? Как вы думаете? Я говорю вам, он может видеть то, чего ни один человек не мог бы увидеть. Дайте мне только чернил и камфары. Он ясновидящий, и он расскажет нам много интересного.

– Он может быть всем, чем вам угодно, но я ни в каком случае не могу довериться вашим богам и дьяволам.

– Но они ведь не сделают ему ничего дурного. Он только почувствует себя немного оглушённым и отупевшим при пробуждении. Вам ведь случалось видеть юношей в состоянии гипнотического транса?

– Вот это и есть причина, почему я бы не хотел ещё раз этого увидеть. Вам лучше бы было уйти, Гриш Чондер.

Он ушёл, но не переставал твердить, спускаясь по лестнице, что я сам лишаю себя возможности заглянуть в будущее.

Но это меня совершенно не тронуло, потому что меня интересовало прошлое, а для этого мне вовсе не нужны были юноши, загипнотизированные при помощи зеркала или лужицы чернил. Но я вполне понимал Гриша Чондера и до известной степени сочувствовал ему.

– Что это за толстое чёрное животное было у вас? – сказал Чарли, когда я вернулся к нему. – Взгляните-ка сюда, я написал поэму. И знаете – как? После первого завтрака, вместо игры в домино. Можно мне прочесть её?

– Дайте я прочту её сам.

– Но вы не сможете прочесть её с должным выражением. Вы вообще читаете мои поэмы так, как будто все рифмы никуда не годятся.

– Ну, тогда прочтите её вслух.

Чарли прокричал мне свою поэму, и я нашёл её немногим хуже его бесчисленных стихотворений. Он с полной верой читал свои книги, но в то же время ему было неприятно, когда я говорил ему, что я предпочитал моего Лонгфелло, не разведённого Чарли. Тут мы начали разбирать с ним всю поэму строчка за строчкой, и на всякое моё замечание или поправку Чарли неизменно возражал:

– Да, это можно было сказать лучше, но вы же не знаете, что именно я хотел сказать.

Чарли был, по крайней мере, в этом отношении очень похож на известный тип поэтов.

Перевернув страницу, я увидел, что на ней что-то нацарапано.

– А это что такое? – спросил я.

– О, это совсем сюда не относится. Это просто чепуха; я записал её перед сном. Так как слишком трудно было подобрать рифмы, то я написал нечто вроде белых стихов.

Вот эти белые стихи Чарли:

«Мы гребли для вас при противном ветре, когда паруса были спущены.

Неужели вы никогда нас не отпустите?

Мы ели хлеб и лук, когда вы брали города, или торопливо уходили в море, когда враг гнался за вами.

Капитаны ходили взад и вперёд по палубе и пели песни в хорошую погоду, но мы были внизу.

Мы слабели и теряли силы в своих цепях, а вы не видели нашего изнеможения, потому что мы всегда раскачивались взад и вперёд.

Неужели вы никогда нас не отпустите?

От солёной воды рукоятки весел стали похожи на кожу акулы; наши колени были все изрезаны до кости и покрыты трещинами от солёной воды; наши волосы крепко прилипли к нашим лбам, наши губы растрескались до самых дёсен, а вы били нас плетьми, потому что мы не могли грести.

Неужели вы никогда нас не отпустите?

Но скоро мы отплывём прочь из порта, когда течение воды направится вдоль лопастей весел, и, хотя вы велите остальным грести вслед за нами, вы никогда не догоните нас, пока не остановите наши весла и не привяжете ветры к надутым парусам. Ого!..

Неужели вы никогда нас не отпустите?»

– Это песня, которую они, вероятно, пели на той галере… Если вы когда-нибудь напишете эту историю, вы мне выделите часть прибыли?

– Это зависит от вас. Если бы вы рассказали мне побольше подробностей о вашем первом герое, я бы скоро мог окончить весь рассказ. У вас это выходит как-то очень туманно.

– Я ведь хотел дать вам только общий план – странствование по морю без определённой цели, битва и тому подобное. Разве вы не можете дополнить сами все остальное? Ну, пусть ваш герой спасёт какую-нибудь девушку с галеры пиратов и женится на ней или что-нибудь в этом роде.

– Вы удивительно находчивый сотрудник. Но мне кажется, что до женитьбы герой испытал самые разнообразные приключения.

– Ну, хорошо, тогда сделайте его ловким негодяем, человеком низшего сорта, или каким-нибудь политиком, заключающим договоры и потом нарушающим их, или черноволосым парнем, который спрятался за мачту, когда началась битва.

– Но вы ведь говорили раньше, что он был рыжеволосый.

– Я не мог говорить этого. Его, разумеется, надо сделать черноволосым. У вас нет воображения.

Видя, что я как раз открыл главные принципы, на которых основано полувоспоминание, ошибочно называемое воображением, я почувствовал желание засмеяться, но ради рассказа поборол себя.

– Вы правы. Вот вы, действительно, человек с воображением. Так, значит, черноволосый парень на закрытой палубе корабля?

– Нет, это был открытый корабль, нечто вроде большого бота. Это было прямо изумительно.

– Но ведь ваш корабль был умышленно устроен с закрытыми деками, вы же сами так говорили, – возразил я.

– Ах, нет, не этот корабль. Этот был открытый или полуоткрытый, потому что… Клянусь Юпитером, вы правы! Вы заставили меня вспомнить о моем рыжеволосом герое. Разумеется, если герой был рыжий, то и корабль был открытый, с раскрашенными парусами.

«Ну, теперь он, наверное, вспомнит, – подумал я, – что он служил, по меньшей мере, на двух галерах – на трехпалубной греческой галере под видом черноволосого государственного раба, а потом на морском боте викингов – в виде красноволосого и краснобородого, как красный медведь, мореплавателя, который отправился в Маркленд».

Дьявол подтолкнул меня спросить.

– Но почему «разумеется», Чарли?

– Я не знаю. Вы, верно, смеётесь надо мной?

Поток фантазии был временно приостановлен.

Я взял записную книжку и сделал вид, что заношу в неё различные мысли.

– Какое это удовольствие – работать вместе с человеком, одарённым такой фантазией, как вы, – сказал я после некоторого молчания. – Поистине удивителен ваш способ характеристики корабля.

– Вы так думаете? – отвечал он, покраснев от удовольствия. – Я сам часто думаю, что во мне есть что-то большее, чем моя ма… чем люди думают.

– В вас таятся огромные скрытые силы.

– Тогда знаете ли что? Не посоветуете ли вы мне послать один набросок «Из жизни банковских клерков» в «Тит-Битс», чтобы получить одну гинею премии?

– Это не совсем то, что я хотел сказать вам, дружище, по-моему, было бы лучше немного выждать и сразу выступить с историей о галере.

– Но какая мне будет от этого выгода? А в «Тит-Битсе» напечатают мою фамилию и адрес, если я возьму приз. Чему вы ухмыляетесь? Они непременно напечатают.

– Я знаю. Мне кажется, вы собирались на прогулку. Я посмотрю в своей записной книжке, что у меня уже записано по поводу этой истории о галере.

Итак, этот легкомысленный юнец, который ушёл от меня, слегка уколотый и задетый моим тоном, несомненно был, насколько это было известно ему и мне, одним из членов судовой команды на «Арго», и также несомненно был рабом или товарищем Торфина Карлсефне. Именно благодаря этому он был так заинтересован в получении премии на конкурсе. Вспомнив, что говорил мне о нем Гриш Чондер, я громко рассмеялся. Властелины жизни и смерти никогда не позволят Чарли Мирсу говорить вполне сознательно о фактах своих прошлых жизней, и я должен был сам составить рассказ из кусочков того, что он говорил мне, напрягая все своё бедное воображение в то время, как Чарли писал о положении банковских клерков. Я привёл в порядок все, что у меня было записано, и результат оказался малоутешительным. Я перечитал ещё раз. Здесь не было ничего, что не могло быть компиляцией, составленной из вторых рук по общедоступным изданиям, и только, может быть, история с битвой в гавани составляла исключение. Приключения викинга были написаны уже несколько раз до того, история греческой невольничьей галеры тоже была не нова, и хотя я записал и то и другое, но кто мог оспаривать или подтверждать мои детали? Я мог бы точно так же написать рассказ, действие которого происходило за две тысячи лет до нашего времени. Властелины жизни и смерти были настолько же осторожны, насколько Гриш Чондер – проницателен. Они не желали пропустить ничего, что вызвало бы у людей тревогу или дало бы удовлетворение их уму. И хотя все это было несомненно для меня, я не мог отказаться от своей истории. За возбуждением следовала апатия, которая, в свою очередь, сменялась возбуждением, и так продолжалось все последующие недели. Моё настроение менялось вместе с мартовским солнцем и бегущими облаками. Ночью или чудным весенним утром я чувствовал, что смогу написать эту историю и переверну ею весь континент. Но в сырой ветреный вечер ясно видел, что, конечно, историю эту можно было написать, но она явилась бы не чем иным, как построенной на грубом обмане и слегка

приукрашенной сказкой для простонародья. Я всячески проклинал Чарли – без всякой вины с его стороны. А он между тем был, по-видимому, совершенно поглощён своей конкурсной работой, я видел его у себя все реже и реже; проходила неделя за неделей, земля раскрылась для весеннего цветенья, и почки набухли на деревьях. Он забросил все книги и не стремился поговорить о прочитанном, а в голосе его я заметил новый оттенок самоуверенности. Я старательно избегал всяких разговоров о галере, но он сам при каждом случае напоминал о ней и почти всегда, как о выгодном предприятии, которое может дать ему некоторую сумму денег.

– Мне кажется, что я заслужил двадцать пять процентов, по меньшей мере? – сказал он однажды с великолепным чистосердечием. – Я дал вам все идеи, не правда ли?

Эта алчность к деньгам была новой чертой его характера. Я пришёл к заключению, что она развилась в нем в Сити в то же время, когда Чарли усвоил себе забавную привычку дурно воспитанного человека из Сити произносить слова протяжно и в нос.

– Мы поговорим об этом, когда вещь будет написана. Но пока я ещё ничего не могу из неё сделать. Красноволосый и черноволосый – оба героя одинаково затрудняют меня.

Он сидел у огня, пристально смотря на красные угли.

– Я не могу понять, что вы находите здесь трудного. Для меня все это совершенно ясно, – возразил он.

Газовый рожок замигал, снова разгорелся и нежно засвистел.

– Ну, возьмём, к примеру, рыжеволосого человека и его приключения с того времени, как он подошёл с юга к моей галере, взял её в плен и поплыл дальше к островам Биче.

Теперь я уже хорошо знал, что мне не следует прерывать Чарли. Я освободился из-под власти пера и чернил и боялся пошевелиться, чтобы не прервать потока его мыслей. Газ в рожке мигал и шипел, и голос Чарли понижался до шёпота, когда он рассказывал мне истории об открытой галере, плывшей по направлению к Фурдурстранди, о закате солнца в открытом море, который наблюдали каждый вечер гребцы, скрытые парусом, о том, как галера вонзалась носом в самый центр опускающегося солнечного диска, «и мы плыли в ту сторону, потому что у нас не было другого путеводителя», – объяснил Чарли. Он рассказал о высадке на берег на одном острове и об исследованиях его, когда судовая команда убила трех людей, спавших под соснами. Их духи, говорил Чарли, преследовали галеру, плывя за нею и расплёскивая воду, и тогда команда галеры бросила жребий между собою, и одного из команды выбросила за борт как жертву разгневанным чужеземным богам. А потом, как они питались широкими водорослями, когда кончилась вся провизия, как у них распухли ноги, и их предводитель, рыжеволосый человек, убил двух гребцов, которые подняли бунт, и как после года пребывания среди лесов они снова приплыли в свою страну, и попутный ветер все время благоприятствовал им, но дуновение его было настолько лёгким, что они все спали ночью. Это и ещё многое другое рассказал мне Чарли. Иногда голос его так понижался, что я едва мог уловить его слова, хотя нервы мои были страшно напряжены. Он говорил о своём предводителе, как язычник о боге, потому что ведь это он заботился о них и убивал их беспощадно, когда это было нужно для их же пользы; и он же управлял галерой, когда они пробирались три дня среди плавающего льда, причём на каждой льдине толпились какие-то странные животные, «которые старались плыть вместе с нами, – сказал Чарли, – а мы отталкивали их рукоятками весел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.